

Собору принадлежали три деревянных дома для причта и один каменный дом для школы. Земельных угодий за Покровским собором не числилось. В приход включались, кроме г. Камышлова, деревни Кокшарова, Леготина, Митькина, Насонова; прихожан насчитывалось более 4 500 чел. Причт собора по штату стоял из протоирея, 2-х священников, одного дьякона и трёх псаломщиков, Жалование клирики получали от казны, церковных доходов и вкладных капиталов [16].

После революции 1917 г. и принятия в 1918 г. «Декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви» началось наступление властей на религию. В 1922 г. проводилось изъятие церковных ценностей. Согласно описи, составленной 11 июня 1922 г., из Покровского собора г. Камышлова были вывезены серебряные ризы с икон, в частности, риза с иконы Покрова Богородицы весом более 16 фунтов, оценённая в 5 815 руб., 4 серебряных креста, пасхальный трёхсвечник, 9 серебряных лампад и др. – всего общим весом более 5 пудов (80 кг) на сумму 7000 руб. [17].

В 1932 г. Покровский собор г. Камышлова был закрыт советской властью [18]. В 1990 г. Покровский собор был возвращён Православной Церкви, и в нём снова начали проводиться богослужения.

Покровский собор не только является символом города Камышлова, как говорят об этом сами жители города, он включен в Свод памятников истории и культуры Свердловской области [19].

Примечания:

1. ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 428. Л. 1.
2. ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 434. Л. 1.
3. Приходы и церкви Екатеринбургской епархии. – Екатеринбург, 1902. – С. 373.
4. ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 440. Л. 1.
5. ГАСО. Ф. 6. оп. 2. Д. 652. Л. 1. Все даты до 1918 г. даны по старому стилю.
6. Приходы и церкви Екатеринбургской епархии. – Екатеринбург, 1902. – С. 373.
7. ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 565. Л. 1.
8. ГАСО. ф. 285. Оп. 1. Д. 48. Л. 1. об.
9. ГАСО. Ф. 285. Оп. 1. Д. 52. Л. 1 об.
10. ГАСО. Ф. 285. Оп. 1. Д. 54. Л. 1.
11. ГАСО. Ф. 285. Оп. 1. Д. 67. Л. 1 об.
12. ГАСО. Ф. 285. Оп. 1. Д. 69. Л. 1. об.
13. ГАСО. Ф. 285. Оп. 1. Д. 71. Л. 3.
14. ГАСО. Ф. 285. Оп. 1. Д. 71. Л. 65.
15. ГАСО. Ф. 285. Оп. 1. Д. 78. Л. 2.
16. ГАСО. Ф. 285. оп. 1. Д. 77, 80.
17. ГАСО. Ф. р-25. Оп. 1. Д. 182. Л. 347.
18. Лавринов В. Екатеринбургская епархия. События. Люди. Храмы. – Екатеринбург, 2001. – С. 250.
19. Свод памятников истории и культуры Свердловской области. Т. 2. Свердловская область. – Екатеринбург, 2008. – С. 429.

Т.Ю. Быстрова
Екатеринбург

ПРОТОАРХИТЕКТУРА УРАЛА КАК ВЫЗОВ СОВРЕМЕННОМУ ИНДУСТРИАЛЬНОМУ ЛАНДШАФТУ

Речь идет о более чем двадцати образованиях, имеющих схожие пространственно-географические координаты и внутреннее устройство, появившихся в эпоху бронзы (сер. II тыс. до н.э.) в степях Южного Урала. Аркаим и другие поселения южноуральской степи являются сложными и привлекательными объектами изучения для истории и теории архитектуры: рассматривая зарождение промышленного производства и городского образа жизни, можно гораздо более выпукло и четко обозначить необходимые и достаточные характеристики взаимодействия человека и

техногенной среды в определенном климато-географическом и природном контексте.

Это важно в условиях поиска современной архитектурой человеко-ориентированных принципов организации градостроительного, ландшафтного, архитектурного пространства, в т.ч. и на территории, где размещаются объекты индустриального наследия. Техницистски-ориентированное мышление XIX – XX вв. показало свои возможности и пределы. Не отказываясь от его лучших достижений, мы предлагаем включить его (в снятом виде) в новую, более синтетичную и гибкую, парадигму архитектурного, музейного, культурологического мышления, соответствующую современным ценностям, с одной стороны, и инновационным технологиям проектирования и строительства, с другой. Путь к ней лежит через переосмысление хронотопа индустриального ландшафта более раннего времени. Но если другие «металлургические провинции» исследованы достаточно полно, то южноуральская система поселений по разным причинам изучается по большей части фрагментарно и тенденциозно. Между тем, большинство ее элементов воспроизводились в культуре этого региона на протяжении около пяти тысяч лет и в конечном счете сказались на структуре поселений и образе жизни горнозаводского Урала.

Архитектурные сооружения ранних, особенно бесписьменных, культур – в отличие от некоторых современных решений – всегда возникали на почве четкой мировоззренческой системы координат, более того, становились квинтэссенцией ее выражения. Они являются сгустками социальной памяти, ментальности, картины мира, в силу чего в них нет случайных, необдуманных форм. С другой стороны, их появление знаменует эпоху, в которой культура городов уже возникла, но город еще не стал глобально оппозиционировать окружающей природе. Сказанное позволяет поставить задачу выяснения принципов организации первых городов и поселений, способных быть воспроизведенными сегодня для преодоления нарастающего отчуждения урбанизма и природы.

В ходе изучения объектов архитектурного наследия южноуральской степи у участников работы (И. В. Фадеева, Н. П. Анисимов, Т. Ю. Быстрова) возникли три основные версии того, чем являлись поселения типа Аркаима, Синташты, Ольгина и др. Например, Н. П. Анисимовым выдвинута версия карда – загона для скота. Несмотря на разницу трактовок поселения и ландшафта, авторы признают следующее: 1) Поселения южноуральской степи невозможно рассматривать в изоляции от ландшафта, геологической структуры и в изоляции друг от друга. 2) Структура расселения во всех версиях связывается с экономико-хозяйственной деятельностью человека. Сомнения возникают в вопросе о доминирующем занятии населения «страны городов». 3) Структура отдельного поселения объясняется только в связи с системой представлений о мире людей, строивших их. 4) Все версии касаются вопроса воспроизведения поселений, строившихся очень быстрыми темпами (один сезон) из дерева и необожженной глины. Возвращение и восстановление объектов практически доказаны. В условиях синкретизма сознания и ценностей мотивы этих возвращений нельзя искать только в хозяйственной деятельности человека либо, напротив, только в ритуале. Необходимо учитывать их взаимопроникновение. 5) Социальная структура строителей поселений не отличалась сильной дифференциацией, что необходимо учитывать при определении функционального назначения зон и помещений. Верхушку общества составляли, вероятнее всего, хранители ремесленных

знаний и технологий. 6) Нерешенным остается вопрос разделения труда: занимались ли выпасом скота сами металлурги или другие жители степи. 7) Открытым остается вопрос социально-демографической структуры населения южноуральских поселений, т.к. сведений о детях практически нет. Объяснение наличия большого числа взрослых людей отсутствует. Наиболее приемлемая версия – металлургическая работа «вахтовым» способом, с возвращением в места постоянного жительства. 8) Отношение к природе лишено потребительства и стремления к господству. Поселение, как это неоднократно отмечалось, вписано не только в ландшафт, но и «космос». Система открыта навстречу природе и вступает в многообразные контакты с ней, от сельскохозяйственных до ремесленных. При этом металлургическая деятельность рассматривается, скорее всего, как часть общих процессов круговорота стихий, к которой причастен и человек.

К числу системообразующих закономерностей территории площадью ок. 350х350 км можно отнести следующие: а) единство территориального размещения объектов – рядом с горой, напротив (в 5–7 км) другой горы, в окружении воды, на расстоянии двух конных переходов от другого (исключения составляют три близко расположенных поселения в Ольгино); б) функциональную разницу рва и вала в разных поселениях, не всегда подтверждающих версию обороны; в) отсутствие «центра» в поселении. Это не рынок, не агора, не цитадель, не дворец. Назначение центральной части, огороженной со всех сторон стенами домов, остается неясным; г) наличие производств прямо в доме (Аркаим, Каргалы); д) наличие фактов связи металлургического производства и скотоводства; е) недостаточное соответствие планировочным и функциональным характеристикам города. Как уже было показано ранее, обозначение «город» некорректно по отношению к Ольгино, хотя применительно к Аркаиму оно прочно закрепилось в общественном сознании. Системный анализ подтверждает необходимость использования термина «поселение» – и как более широкого по объему, и как относящегося к хронологически- и социокультурно- более ранним объектам; ж) поселения южноуральской степи несут в себе ряд уникальных черт, связанных с революционностью этапа перехода от поздней первобытности к цивилизации, от сельского образа жизни к городскому, от земледелия к металлургии.

Проектные действия создателей поселений происходят в границах мифологического мышления. Его присутствие обеспечивает как преемственную связь с доархитектурными традициями (крупные стоянки верхнего палеолита, стойбища и т.п.), так и «космизм» (изоморфизм малого и большого) каждого проектного хода.

Можно предположить, что на каком-то этапе внутри поселений был нарушен экологический и демографический баланс, т.е. степень вредности производства в системе превысила возможную. Это подорвало жизнеспособность поселений. Вполне вероятно, что дисбаланс, коснувшийся реальной жизнедеятельности людей, имеет истоком деформацию мифологической картины мира: она сохраняется и воспроизводится, но не может остаться такой же, как была во времена охоты. На первое место среди космогонических стихий выходит либо вода в ее тождестве с металлом, либо металл как самостоятельная сила, круговороту которой помогает (причастен) человек.

Можно также говорить о симбиотической включенности в жизненный цикл территории кочевников-скотоводов, обеспечивающих поселения едой. Она накладывает отпечаток в т.ч. и на структуру поселения (пруд, плотина и т.п.).

Системный анализ доказывает, что перед нами – исторически одна из первых систем расселения, создаваемых в определенных границах и с определенной целью, на основе единого подхода, зиждущегося на трансформирующемся (но продолжающем господствовать) мифологическом мышлении. Градостроительное значение этого процесса, скорее всего, даже более велико, чем собственно архитектурное.

Все особенности структуры поселений южноуральской степи диктуются подчинению жизни производственно-металлургическим целям в конкретной климато-географической среде, тогда как основные параметры (круглый или овальный план, обваловка, ворота и выходы, масштабы, численность и т.п.) приближают их к другим поселениям бронзового века на самых разных территориях, от Месопотамии до Сибири. Симбиотическая связь металлургии и скотоводства должна изучаться дополнительно.

С.В.Голикова
Екатеринбург

РЕКРУТСКИЙ ОБРЯД: ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ

Формально рекрутский обряд относится к ритуалам нового времени (способ формирования армии путем рекрутских наборов введён Петром I). Хотя традиция при его создании использовала богатое наследие ритуального оформления проводов вообще и на войну в частности. Первые описания «проводов рекрутов» на Урале появились в 1865-1866 гг. в «Пермских губернских ведомостях». О них сообщается в публикациях И.В. Шерстобитова «Описание быта государственных крестьян, живущих в Чердынском уезде по правую сторону реки Камы» [1], Н. Саламалик «Село Черновское» [2], А. Зырянова «Выдержки из дорожных записок 1865 года» [3]. Можно говорить о появлении «среза» подобных обрядов, охватывающий разнообразие местности края: северо-запад (Чердынский уезд), юго-запад (село Черновское находилось в Оханском уезде) и юго-восток (А. Зарянов писал о зауральских крестьянах Шадринского уезда). Правда речь идет о жителях государственной деревни или поселениях, принадлежащих ведомству «государственных имуществ». В 1865 г. журналом «Современник» была издана и повесть А. Кирпищиковой «Порченная» [4], в центре которой находилась трагическая судьба солдатки завода «Горки» (Чермозского). Там уже средствами художественной литературы рассказано об отправке мужа главной героини на службу, которая и послужила причиной ее психологического срыва.

Следующая волна публикаций была связана уже с событиями начала XX в. В 1914 г. появляются «Обрядовые причитания при проводах солдат на войну» И.И. Ульянова [5]. Отдельная главка посвящена прикамским новобранцам в книге П. Шмакова «По лицу земли: Очерки из жизни Прикамья» [6], также изданной в годы первой мировой войны. Статья крестьянина села Медянки Уинского района П.И. Юшкова «Обычай проводов рекрутов» увидела свет уже при советской власти в 1926 г. [7] Тогда же появилась работа известного собирателя уральского фольклора В. Серебрянникова «Из солдатских песен б/ывшего/ Оханского уезда» [8]. Можно сказать, что эта серия текстов также получила «сопровождение» художественной (вернее, мемуарной) литературой. А. Кореванова в повести о своей жизни рассказывала, что семья ее бабушки разорилась, когда решилась вместо отца мемуаристки нанять для военной службы «охотника», который «злоупотреблял своим положением» [9].